

ВАСИЛИЙ ГАВРИЛЕНКО

УБИТЬ СТАЛИНА

18+

Василий Гавриленко

Убить Сталина

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гавриленко В. Д.

Убить Сталина / В. Д. Гавриленко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Не столь отдаленное будущее. Лаборатория по казням мерзавцев прошлого. Казнены Малюта Скуратов, Эрнст Иоганн Бирон и помещица Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха. Лаборант Архип получает задание казнить самого Сталина и отправляется в тридцатые...

© Гавриленко В. Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Убить Сталина

* * *

Программа в очередной раз дала сбой, и Архип выключил систему. Вытер пот, выступивший из-под козырька фуражки, выпил остывший кофе. Возвращение давалось тяжело: перед глазами все еще маячили серые улицы Москвы 1939 года.

В лаборатории уже никого не было, последней, наверно, ушла уборщица Клава и, конечно, не выключила свет. Если бы попытка удалась, свет так и остался бы гореть, а это недешево. Надо будет сделать ей выговор.

Архип вспомнил все те маленькие и большие проблемы, сплетни, выплывшие из небытия после его назначения. В лаборатории поселился стойкий дух снисходительности. Снисходительности по отношению к нему, Архипу. Конечно, напрямую никто не говорил об этом, однако во взглядах, жестах, случайных, казалось бы, не относящихся к делу, фразах проскальзывало, нет, не недоверие, а неполная уверенность в том, что именно Архип должен был убить Сталина. Безусловную поддержку он ощущал лишь от молчаливой, похожей на мышку, Нади, но та, он догадывался, была тайно в него влюблена.

Споры вызывали даже те мелочи, которые при других покушениях не воспринимались всерьез. Кирилл, например, ни с того ни с сего начал доказывать, что Архип должен непременно выучить немецкий язык, хотя для какой цели – объяснить не мог, и в конце концов, опять же ни к селу ни к городу заявил, что его прадед погиб в лагерях. Ярополк подходил к делу, как всегда, скрупулезно и заставил Архипа выучить поименно всех членов партийной верхушки. Но и в Ярополке, которого Архип втайне считал человеком гениальным, проскальзывала язвительная нотка: «А почему, собственно, ты?».

И подготовка длилась как никогда долго: четыре с лишним года. Агентурная сеть в тридцатых годах еще только создавалась в лаборатории и, по сути дела, покушение Архипа было дебютом, от которого в дальнейшем зависело многое. Агентами занимался Кирилл, и, надо было признать, он великолепно справлялся со своей работой. В первый же год он вышел на начальника кремлевского гаража Иноненко – судя по всему, человека решительного и надежного. Архип долго разглядывал фотографию – темные глаза, жесткая линия губ, упрямый подбородок. Отчего-то Архипу казалось, что в тридцатых годах все люди были друг на друга похожи, – все были жесткие.

Выйти на шофера – этот креатив принадлежал, конечно, Ярополку. Однако он, что было не совсем, а вернее, совсем на него не похоже, вместо реальной подготовки больше занимался какой-то метафизикой – личностью Сталина, заставлял меня читать книги – написанные им и о нем. Ярополк видел в вожде тайну, разгадать которую не мог, – хоть лбом о стенку. За всеми зверствами он чувствовал нечто, гораздо более зловещее, нежели сами зверства. Кирилл за спиной Ярополка крутил пальцем у виска и говорил с презрением: «Утоп наш Ярополк в кабале». Нужно сказать, что они друг друга недолюбливали. А впрочем, лабораторные крысы редко способны на любовь.

С позиции разума Архип не во всем соглашался с Ярополком, однако мрачный цинизм Кирилла отвергал не разумом, а сердцем. Глядя на портрет вождя народов, Архип думал, вернее, чувствовал, что тайна есть, и временами ему казалось: хвостик этой тайны виден – только ухватись.

За время подготовки он выслушал много наставлений и просьб относительно речи – тех слов, что должен услышать деспот перед смертью. Надя, стесняясь и краснея, подошла к нему и попросила сказать Сталину, что в аду его ждут убитые им младенцы. Почему младенцы, да еще и в аду, этого она объяснить не смогла и оттого еще более смутилась. Архип давно уже подумывал уволить Нину, так как терпеть не мог влюбленных девиц на рабочем месте, однако он знал, что на руках у девушки больная престарелая мать, и – рука не поднималась.

Речью больше занимался Ярополк, и, как казалось Архипу, подошел он к этому важнейшему делу вполне рационально. Многим палачам – на грани раскаяния и преклонения перед совестью – больно слышать перечисление их грехов и «аз воздам», хотя они и сами прекрасно знают дела рук своих. В Сталине была черта, выводящая его из этого ряда. Он казнил, веря в то, что должен казнить. Ярополк построил речь на решениях двадцатого съезда, а также на крахе СССР и коммунизма. Это жестоко. Но Ярополк, возможно, имел право на жестокость – его прабабка была замучена в застенках НКВД.

Пытаясь оправдать свое назначение, Архип перелопатил архив лаборатории, доступный архив Интеллектуальной Библиотеки, однако не нашел ни малейшего намека на то, чтобы кто-нибудь из его родственников пострадал от сталинского режима. Напротив, его прапрадед прожил свою мещанскую жизнь в городе Калуге и не слышал о застенках, пытках и расстрелах. Архипу пришлось удовлетвориться фактом убийства его любимого поэта Николая Семеновича Гумилева. Архип питал слабость к литературе и оттого-то его не особенно ценили в лаборатории. И Кирилл, и Ярополк – люди предельно рациональные, твердые, как каменные глыбы, считали Архипа хлипковатым.

Тем удивительнее была «кабала» Ярополка, связанная со Сталиным. Архип начинал все-речь подозревать, что Ярополк почитывает втайне, например, Пушкина. Такие люди – внешне твердые – на деле легко ломаются от небольших трудностей. В лаборатории притчей во языцех стал случай, повлекший временное отлучение Ярополка от дел, – казнь Малюты Скуратова, которую он провел, по мнению руководства, слишком мягко.

Архип слегка улыбнулся, держа в руках портрет Сталина, – ему такое точно не грозит. Клиент смотрел с портрета, слегка хмурясь, даже как будто прикусив ус – нет, здесь жалости быть не может! Причем – ни с той, ни с другой стороны.

На секунду представилось – покушение провалилось, его схватили. Что будет в этом случае? Застенок – всего лишь слово, но и от него пробегает по коже мороз. Архип встряхнул головой, понимая, что начинает попусту трусить, и повернулся к системе.

До утра еще можно было совершить не меньше трех попыток, но хотелось верить, что получится именно эта. Архип проверил – все ли на месте? Сыворотка веры, фотографии безголовых памятников Ленину, старинные деньги, фотография Иноненко, карта Москвы...

«Помоги, Боже», – прошептал Архип и нажал «Enter».

Бог, к которому он изредка обращался в трудные минуты, был его тайной, и узнай о нем кто-нибудь в лаборатории, дело могло привести к увольнению. Архип и сам не знал, что он подразумевает под этим словом, просто произносил – и как будто становилось легче. Он догадывался, что Бог – такой же архаизм, как и литература, как и Сталин, казнить которого он отправляется, но ничего с собой не мог поделать.

Система тихо гудела, листая в голове Архипа страницы иллюстрированной книги. Иллюстрации были бледные, тусклые, плохо прорисованные. Он едва увидел здание Интеллектуальной Библиотеки, где находится РОСИИН, как тут же возник Либасов – последний Президент-человек, далее выступили Медведев, Путин, взобрался на танк Ельцин, сказал «процесс пошел» Горбачев, умерли Черненко и Андропов, получил орден Победы Брежнев, подстрелил подмосковного зайца Хрущев...

Почему он видел именно это, Архип не знал. Как-то он слышал краем уха, что Кириллу система показывает не книгу, а кино, и не про вождей, а о простых людях. Возможно, это была ложь.

Картинка замерла, стала объемной и яркой, но шелест страниц почему-то не прекратился. Архип вздрогнул и понял, что сидит на скамье с витой деревянной спинкой. Деревья шелестят и роняют разноцветные листья.

«Что делать? Осень – дни разлук.

Зверье по отсыревшей хвое,
Уходит медленно на юг».

Чьи это стихи? Гумилев? Да, кажется, Гумилев.

Но почему сейчас осень, когда сейчас лето?

Тридцать девятый медленно заполнял сознание, выдавливая настоящее, вдруг ставшее прошлым.

«Время», – вспомнил инструкцию Архип.

Как раз мимо проходила девушка в синем пальто и странных очках с толстыми бледными дужками.

– Подскажите время.

Девушка вздрогнула, бросила на него испуганный взгляд увеличенных линзами глаз и, коротко взглянув на часы, сказала:

– Полвторого.

И быстро пошла по бульвару. Ее плечи вздрагивали так, словно она хотела оглянуться, но не смела.

«Надо говорить „пожалуйста“, – напомнил себе Архип, переводя стрелки на часах, выданных ему в специальном отделе лаборатории, – а не то скоро засыплюсь».

Ему и в голову не приходило, что в телогрейке и ватных штанах он выглядит в модной, даже в конце тридцатых, Москве, несколько экзотично.

Девушка приняла его за колхозника, приехавшего посмотреть столицу, но ее удивили руки Архипа – чистые и белые, с тонкими нервными пальцами, и его задумчивое лицо.

Архип вынул карту Москвы, состряпанную лабораторными умельцами, – ее никак нельзя было отличить от настоящей. И так, Иноненко проживает – вот переулок, отмеченный красным карандашом, – Армянский, станция метро Кировская. Дальше придется спрашивать, так как куда именно исполнителя забросит система, никто в лаборатории при всем желании знать не мог.

Кленовый лист, похожий на желтую ладонь, спланировал прямо на фуражку. Архип аккуратно взял его за гибкий черенок: там даже листья вроде бы были другими, более механическими...

Он встал со скамейки и пошел вверх по бульвару.

– Скажите, пожалуйста, как дойти до метро? – спросил он у первой попавшейся старушки. По инструкции – следовало обращаться к пожилым.

– А сынок, – улыбнулось беззубым ртом старушка. – Это тебе в обратную сторону, сойдишь с бульвара, потом по бывшей Тверской до Охотного ряда – вот тебе и метро.

– Спасибо, – поблагодарил Архип.

– А ты, сынок, не местный? – спросила старушка, рассматривая его телогрейку.

– Из Тверской области, – соврал по инструкции Архип.

– Ну, удачи тебе, мальчик, – сказала старушка и пошла, стуча по брусчатке палкой.

«Мальчик», – невольно улыбнулся Архип. Ему перевалило за тридцать. Он удивленно смотрел старушке вслед – уж очень ласково и душевно она с ним говорила, словно он и вправду был ее сынком. И то, что пришлось соврать этому человеку, вселило в Архипа смутную досаду.

Он сошел с бульвара и увидел знакомый по картинкам памятник Пушкину. Кругом на лавочках сидели люди, многие читали книги, быть может, того, кто, задумчиво склонив голову, смотрел на них. И везде кружились в воздухе желтые и красные листья. Вокруг было море красок – мир был пестрым, как старинные платки, а Архип почему – то представлял его угрюмым и серым.

«За этой красотой скрываются застенки, в которых стонут люди», – сказал себе Архип и пошел по тротуару вниз, туда, где краснели башни Кремля.

Вот и метро – крупная буква «М» над каменным низким сводом. Архип быстро спустился по ступенькам, стараясь не глядеть в сторону Красной площади – боялся, что там могут быть патрули. Он купил в кассе красный билет, не без сожаления расставшись с раритетным пятяком. Рыхлая женщина в красном берете черкнула на билете ручкой: «2 ч. 7 мин».

В метро дули теплые ветры, пахло чем-то вкусным. Светлый зал поразил Архипа: не верилось, что все это построено для того лишь, чтобы принимать-отправлять поезда. Людей было немного. Архип жадно вглядывался в лица, пытаясь прочесть в них страх, страдание, но люди были самые обыкновенные – в меру счастливые, в меру несчастные.

«Он ведь живет среди вас, – хотелось спросить. – Неужели вы не чувствуете его страшное дыхание?»

Две девочки, должно быть, школьницы, смотрели на Архипа, хихикая, но когда он обратил на них внимание, одна строго одернула другую, и они исчезли в подошедшем поезде.

Архип знал, как добраться до Кировской, но ему было приятно слышать голоса этих людей, видеть, как меняются их лица.

– Скажите, пожалуйста, как попасть в Армянский переулок? – спросил он у старичка, сидящего на лавке с газетой. Газета называлась «Правда», и с первой полосы, слегка прищурившись, глядел на Архипа тот, ради кого он очутился здесь.

– В Армянский? – старичок задумался. – Ну, вы меня озадачили! В метро – и вдруг переулок.... А! Это ж вам, батенька, на Чистые пруды!

«Ну вот, то сынок, то батенька», – с удивлением подумал Архип.

– А как на Чистые пруды?

– Сейчас сядете и через одну выйдете на Кировской. Ну а там уж спросите, где Армянский.

– Спасибо, – поблагодарил Архип. Старичок вновь погрузился в чтение, безмолвно шевеля губами.

Время, подошел поезд – желтый, угловатый. Архип, пропустив вперед себя нескольких пассажиров, вошел в вагон. Двери затворились.

Пассажиров было немного, большинство сидело на коричневых скамьях. Стоя ехали лишь подросток в темно-коричневом пальто с оторванным хлястиком, хорохорящийся перед посмеивающимися в дальнем углу девчонками да Архип, слегка оглушенный незнакомым городом. Городом, в котором он родился и прожил всю жизнь. Вот только там уже не было ни Армянского переулочка, ни станций-дворцов, ни Чистых прудов. Метро, а также деление на улицы и переулки было ликвидировано за ненадобностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.